
ПРОБЛЕМЫ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА РОССИИ В XXI В. РОЛЬ И МЕСТО ЕС

А.П. Портанский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье анализируется новая экономическая ситуация, которая сложилась в период мирового кризиса и которая повлияла на взаимодействие между Россией и Евросоюзом. Речь, в частности, идет об изменении роли ЕС в мировой экономике, рассматривается ряд внутренних проблем Европы и наметившиеся политические и экономические отношения России с европейскими странами и Китаем. В данной статье автор говорит о том, в какой степени эти новые обстоятельства способны повлиять на перспективы взаимоотношений Россия—ЕС.

Ключевые слова: ЕС, экономические и политические отношения России и ЕС, экономика восточных стран, тенденции развития мировой экономики, глобальный кризис.

Двадцать лет назад европейский выбор России казался абсолютно естественным и практически не подлежащим сомнению, по крайней мере на высоком государственной уровне. Созвучными российским устремлениям были и ответные настроения в столицах Евросоюза. Символом того времени, несомненно, можно считать подписание 24 июня 1994 г. на греческом острове Корфу Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Евросоюзом, в котором обе стороны увидели глубокий исторический смысл и заманчивые перспективы. Однако минувшие годы многое изменили. И если ЕС по-прежнему является главным торгово-экономическим партнером России, политическая атмосфера стала иной: сотрудничество и партнерство кое-где оказалось вытеснено соперничеством, обострилась взаимная критика, обозначился ценностный разрыв, свой отпечаток на отношения России с ЕС наложил и мировой экономический кризис, в том числе кризис зоны евро. Как результат перечисленного, ослабли прежние оптимистические ожидания в отношении будущего сотрудничества, которые были столь характерны для 1990-х гг.

Особого внимания, с точки зрения автора, заслуживают новые обстоятельства, которые сложились в период мирового кризиса и которые уже повлияли и, очевидно, продолжают оказывать влияние на взаимодействие между Россией и Евросоюзом в ближайшей перспективе. Речь, в частности, идет об изменении роли ЕС в мире в совокупности с рядом внутренних проблем Европы, с одной стороны, и наметившемся политическим и отчасти экономическим дрейфом Москвы в сторону, противоположную Западу — с другой. В данной статье автор размышляет о том, в какой степени эти новые обстоятельства способны повлиять на перспективы взаимоотношений Россия—ЕС.

Европа в XXI веке: признаки утраты лидерства. В начале 2013 г. один из крупнейших и известных в мире банков HSBC опубликовал прогноз развития стран мира до 2050 г. Согласно данному прогнозу, тройку лидеров к 2050 г. со-

ставят Китай, США и Индия. Евросоюзу места в тройке не нашлось. А ведь в начале 2000-х все виделось иначе: некоторые смелые политологи даже предсказывали закат США перед лицом новой силы — Европейским союзом.

Полвека Старый свет поражал мир невиданным феноменом европейской интеграции, устранившей причины вековых конфликтов на континенте и являвшейся в течение длительного периода мотором экономического роста для стран — членов Сообщества. ЕС удалось стать той общностью, которая смогла воплотить общеевропейские стремления играть значимую роль в мире, реализуя амбиции вчерашних врагов Германии и Франции, а также Великобритании. ЕС стал значителен как с точки зрения числа его членов, так и с точки зрения расширения сфер интеграции. Модель ЕС и сегодня остается привлекательной для соседних государств, которые стремятся обрести членство в нем, например, балканских стран, а также Украины и Грузии. Совершенство интеграционной модели ЕС служит образцом и для политиков Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, которые не устают повторять, что интеграция в ТС будет идти по примеру Евросоюза.

В последние годы ситуация, однако, круто изменилась. Сегодня даже разговоры о постепенном умирании ЕС, похоже, не очень шокируют. Позиции ЕС на мировой экономической арене, где идет перераспределение в пользу Китая, явно ослабли. Возможности европейцев влиять на принятие важнейших решений в международных экономических институтах (МВФ, Всемирный банк, G20) снижаются.

Одной из причин этого, несомненно, стала неспособность эффективно противостоять мировому экономическому кризису. Кризис еврозоны наглядно показал слабость институциональной модели ЕС, в которой успешно созданный валютный и экономический союз функционирует без надлежащей общей банковской дисциплины и без политического союза. Следствием этого стал кризис еврозоны. При этом прогнозы и предсказания зачастую были более мрачными, чем то, что произошло в действительности. Мировой кризис должен был сокрушить зону евро, привести к ее распаду. Кредитные агентства предупреждали о проблемах, ожидающих такие страны, как Испания, Португалия, Ирландия и Греция. Греческий сценарий, как все видели, едва не привел к выходу страны из зоны евро. Собственно, точка в этом сценарии еще не поставлена и каков будет финал, пока неизвестно. На поддержание слабого южного подбрюшья Евросоюза Брюсселю, а точнее, Германии приходится тратить огромные деньги. Состояние нерешенности проблемы довольно точно охарактеризовал в 2012 г. экс-министр финансов РФ Алексей Кудрин, заявивший, что удержание Греции в зоне евро обходится Брюсселю примерно столько же, сколько будет стоить ее выход из этой зоны.

Кризис не мог не образовать два противоположных лагеря в ЕС, которые четко обозначились на ноябрьском (2012 г.) саммите в Брюсселе. В дискуссиях о путях преодоления кризиса одна группа стран выступила за то, что следует больше экономить, а другая — за то, что надо, наоборот, больше тратить (1). Разумеется, в первой группе оказалась Великобритания вместе с Германией, Нидерландами, Швецией и Финляндией, во второй — Греция и ряд стран юга Европы.

Фактически в тот момент в Брюсселе столкнулись две противоположные логики развития ЕС. Наиболее ярким выразителем одной точки зрения выступает Великобритания, приверженная позиции сохранения «Европы наций», которая предполагает минимальное наднациональное управление. Лондон не согласен с вмешательством Еврокомиссии в различные аспекты жизни государства — члена ЕС, с детальным регулированием из Брюсселя всего и вся. Однако Брюссель и, в частности, нынешний Председатель Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу, как и многие его сторонники в правительствах стран Южной и Восточной Европы, напротив, уверены, что мощь единой Европы заключается именно в максимальном делегировании полномочий в Брюссель и, соответственно, получении всяческой помощи оттуда. В этих условиях уже не вызывают особого удивления оживившиеся в начале года в той же Великобритании дискуссии о проведении в 2018 г. референдума по вопросу возможного выхода Соединенного Королевства из ЕС.

Неужели же «лучшие времена» европейской интеграции остались в прошлом и существуют ли какие-то более глубокие причины, чем мировой кризис, нынешнего ослабления Европы?

На этот вопрос есть вариант ответа, который был дан рядом политологов лет десять назад и по-прежнему имеет право на жизнь: Европу «расслабило» отсутствие серьезной внешней угрозы — окончание «холодной войны» стало сигналом для конца «европейской мечты». Потому страны — члены ЕС и не продвинулись к созданию политического и военного союза и, хуже того, стали подвергать сомнению выгоды валютного и экономического союза. Но дело, разумеется, не только в отсутствии реальной внешней угрозы.

Более 60 лет лет назад Жан Монне и Робер Шуман создали объединенную Европу. Идеи отцов-основателей захватили умы тогдашних лидеров государств Западной Европы, которые направили все свои силы и энергию на воплощение в жизнь этих идей. У сегодняшних лидеров европейских государств нет тех амбиций, которые двигали вперед интеграцию на континенте. А многие из них не считают, что национальные интересы их государств совпадают с интересами ЕС, политические и экономические институты которого не в состоянии отвечать на современные вызовы. От восточной до западной границы Евросоюза наблюдается ренационализация политической жизни. Погибший три года назад в авиакатастрофе под Смоленском президент Польши Лех Качиньский в 2005 г. сказал: «Поляков интересует будущее Польши, а не будущее ЕС» (2).

Возврат к национальным приоритетам в политической жизни по-видимому обусловлен поколенческим фактором: из политики уходит то поколение лидеров, для которых ЕС был прежде всего гарантом мира на континенте, а на их место приходят политики, для которых ценность ЕС определяется не столько верой в великую идею, сколько является результатом подсчета баланса выгод и издержек.

Являются ли, однако, переживаемые сегодня Европой трудности и проблемы поводом для пересмотра Москвой роли ЕС как неизменного стратегического партнера России?

Евразийские альтернативы Москвы. Решительный и принципиальный поворот в сторону Европы произошел в России, безусловно, в начале XVIII в. при

Петре I и благодаря ему, хотя связи и тяготение к европейским городам ранее активно проявляли Псков и Великий Новгород, за что, правда, были жестоко наказаны Иваном Грозным, поплатившись кровью тысяч своих граждан.

Была ли модернизация отсталой Руси, предпринятая Петром, успешной и оправданной, спорят до сих пор. Бесспорно то, что благодаря ей у нас появилась современная наука и та русская культура, которую по праву считают частью европейской, имея в виду имена Пушкина, Достоевского, Чехова, Чайковского и многих других всемирно известных писателей, музыкантов, художников. Однако изменить глубоко отличавшийся от европейского вековой уклад Московии в течение нескольких десятилетий правления — задача нереализуемая даже для такого волевого монарха, как Петр I. Не потому ли с тех пор на России повисло клеймо страны с «догоняющей моделью развития», от которого она не может избавиться и поныне?

Сегодня очевидным императивом для России является модернизация экономической жизни, которая, вероятно, отразится и на политической сфере. О модернизации и инновациях сказано и написано уже так много, что порой складывается ощущение, что проблема «забалтывается», а реальных перемен не происходит. Выбор в пользу модернизационного сценария развития страны, безусловно, зависит от политической воли высшего руководства. Что же касается реализации этого курса на практике, то здесь возможны варианты.

В любом случае осуществлять модернизацию в современном мире в одиночку нерационально и бессмысленно, хотя в кругах российских элит все еще высказываются мнения о некоем «самодостаточном» характере России во всем, в том числе и в экономике. Но если подходить к вопросу серьезно, то необходимо делать ставку на таких партнеров, которые действительно способны содействовать реализации в нашей стране планов модернизации. О ком же надо вести речь?

В принципе, по этому вопросу первыми лицами в российской власти были сделаны вполне ясные заявления. Так, в 2009 г. Дмитрий Медведев, будучи президентом страны, в своем известном интернет-обращении «Россия, вперед!», в частности, подчеркнул: «Модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично. Вопрос гармонизации отношений с западными демократиями — это не вопрос вкуса или каких-то личных предпочтений тех или иных политических групп. Наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъема качества жизни».

Тем не менее в последние годы в научных и особенно в политических кругах время от времени высказывается мысль о целесообразности выбора некоего «евразийского» пути дальнейшего развития России. По мнению автора, существует несколько причин, которыми можно объяснить сегодняшнее тяготение к «евразийскому» или «восточному» курсу.

Первая причина имеет объективный характер и связана с небывалым экономическим подъемом и растущим влиянием новых индустриальных стран (НИС),

и прежде всего Китая в начале XXI в., особенно заметного на фоне обострившихся проблем в ряде промышленно развитых стран в период мирового кризиса.

Вторая причина является, собственно, продолжением первой и связана с заметным снижением роли и влияния Европы в мире в последние годы, о чем вкратце было сказано выше. Из этого делается несколько поспешный и недостаточно обоснованный, с точки зрения автора, вывод об утрате Евросоюзом привлекательных для России качеств перспективного партнера для модернизации.

Наконец, третья причина носит скорее субъективный характер, ибо связана с отношением к соблюдению основных демократических свобод. Ее суть в том, что в отличие от Вашингтона, Лондона, Парижа, Берлина и Брюсселя, ни в Пекине, ни в Нью-Дели, ни в Токио, ни в Сеуле российским руководителям не приходится выслушивать неприятные нравоучения о нарушении прав человека в РФ. И это порой может оказывать серьезное воздействие на Москву при принятии ключевых решений о сотрудничестве.

Каким же путем и с кем в качестве ближайшего партнера двигаться в сторону модернизации и создания современной экономики? На протяжении практически всего периода после распада Советского Союза западный вектор интеграции и сотрудничества России не вызывал больших сомнений. Кроме того, как было отмечено выше, Россия еще триста лет назад выбрала Европу в качестве партнера для модернизации. Теперь же в последние годы предпринимаются попытки предложить альтернативу европейскому пути в виде «евразийского» или «восточного» выбора.

Вообще, строго говоря, «восточного выбора» как такового не существует, ибо в отличие от Запада с его иудейско-христианскими корнями, единого Востока в природе нет. Очевидно, ставка здесь может делаться на участие в интеграционных процессах в определенном регионе и сотрудничество с мощными игроками.

Процессы региональной интеграции продолжают весьма активно развиваться и в XXI в. Для России эти процессы играют по-своему значительную роль. Говоря о направлениях работы своего правительства, премьер Дмитрий Медведев в качестве одного из них назвал именно интеграцию, отметив что «продвигаться необходимо по всем трем векторам развития: евразийскому, европейскому и азиатско-тихоокеанскому» (3). Однако заметим, что на территории бывшего СССР пока не сложилось ни одной интеграционной группировки, которую можно было бы сравнить с наиболее известными в мире, такими как ЕС, НАФТА или МЕРКОСУР. В настоящий момент Россия является участником таких региональных соглашений, как Таможенный союз (Россия, Казахстан, Белоруссия), зона свободной торговли восьми государств СНГ, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая в значительной мере имеет политическое измерение. В какой-то степени «восточный», а точнее, «незападный» выбор может реализовываться в рамках БРИКС и АТЭС, которые, однако, не являются интеграционными группировками.

Таким образом, если делать ставку на интеграцию на восточном направлении, то в данный момент рассматривать можно лишь Таможенный союз России, Ка-

захстана и Белоруссии (ТС). Поскольку для РФ речь идет о выборе модели развития с целью обеспечения модернизации, следует признать, что ни одна страна на пространстве СНГ так и не приступила к ней по большому счету даже в период относительного финансового благополучия и политической стабильности. Это означает, что все они в той же степени, что и Россия, сами нуждаются в модернизации. В то же время сегодня в условиях продолжающегося мирового кризиса осуществить модернизацию значительно сложнее. Следовательно, в посткризисном мире республики СНГ имеют мало шансов оказаться в числе конкурентоспособных экономик.

Далее. Потенциал экономической интеграции России, Казахстана и Белоруссии изначально был невелик. Согласно данным Минэкономразвития России за 2010 г., на страны ТС приходилось менее 8% внешнеторгового оборота РФ. К настоящему моменту есть сведения о росте этой доли, однако она вряд ли превышает 10% и, самое главное, нет ощутимого потенциала ее роста в будущем. Сохраняющаяся сырьевая экспортная специализация России и Казахстана ориентирует их внешнюю торговлю на рынки вне Содружества. Поэтому главными торговыми партнерами этих государств остаются страны дальнего зарубежья, в первую очередь Евросоюз. Это, в свою очередь, затрудняет проведение согласованной внутри- и внешнеэкономической политики в ТС—ЕЭП, а следовательно, и само развитие данной интеграционной группировки.

Таким образом, ни одна из интеграционных группировок, в которых ныне участвует Россия, не способна обеспечить ей успешной модернизации в разумные исторические сроки.

Выдвижение в XXI в. Китая на передовые позиции в мировой экономике вынуждает Россию самым серьезным образом отнестись к выстраиванию отношений с могущественным соседом как в политической и военной, так и в экономической сфере. Исторически Россия привыкла играть доминирующую роль во многих структурах и процессах, в которых нет западного участия. Однако если взять, к примеру, Шанхайскую организацию сотрудничества, то в ней у РФ нынче не так много шансов на ведущую роль — российские интересы по некоторым вопросам в ней уже вошли в противоречие с интересами КНР. И надо признать, что возможности Китая для продавливания своих планов, к примеру, по финансово-экономическим вопросам больше, чем у России.

В последние годы Китай почти полностью свернул промышленный импорт из РФ. Как отмечает известный экономист В. Иноземцев, в современных условиях экспорт России «на китайском направлении» оказывается даже более «сырьевым», чем на европейском (на нефть, лес и металлы приходилось в 2011 г. 74,2% экспорта против 62,8% при поставках в страны ЕС), а приобретаются в КНР промышленные товары, которые давно пора научиться производить самим. Расширение такого сотрудничества, указывает Иноземцев, означает прогрессирующую деиндустриализацию и в конечном итоге — демонтаж всей модернизационной повестки (4).

Китай давно и небезуспешно для себя конкурирует с Россией на мировом рынке оружия, откровенно копируя некоторые виды бывших советских вооруже-

ний без общепринятых в таких случаях формальных процедур. В памяти старшего поколения россиян остается вооруженный конфликт с Китаем в районе острова Даманский в сентябре 1969 г. и последовавшие за ним территориальные уступки, которых Москва не делала в отношении других стран.

Строя планы модернизации, не обойтись без сотрудничества в сфере высоких технологий. Но Китай их пока практически не производит, а наоборот, ввозит либо «заимствует» другими способами в развитых странах. Значит, за хайтеком надо обращаться по другим адресам. Наконец, есть данные, согласно которым поставки российских углеводородов в Китай осуществляются на условиях, менее выгодных, чем аналогичные поставки в Европу.

Помимо изложенных экономических доводов не в пользу развития долгосрочного сотрудничества с Китаем в целях модернизации российской экономики есть и причины политического и иного характера. Как представляется, по мере дальнейшего развития рыночных отношений и эволюции политической системы в РФ логично ожидать формирования институтов западного образца, что довольно трудно представить в Китае, традиционное сознание и культура которого служит надежным заслоном от влияния Запада. Это означает, что ставка на Китай неизбежно войдет в противоречие с уже начавшимся путем развития рыночной экономики в нашей стране.

Следовательно, заманчивые на первый взгляд перспективы сотрудничества с Китаем при ближайшем рассмотрении скорее оказываются иллюзиями. Вместе с тем Россия, как евротихоокеанская держава, безусловно может развивать восточное направление сотрудничества, которое должно включать не только и не столько Китай, сколько такие страны, как Республика Корея, Япония, Сингапур.

«Россия не должна быть сброшена со счетов». Среди определенных групп российских политиков существует крайне примитивное представление о роли Запада в развале СССР и соцлагеря. Оно, как известно, сводится к тому, что этот развал стал результатом длительной и целенаправленной подрывной работы США и их союзников по НАТО, чему со своей стороны поспособствовал М.С. Горбачёв и его ближайшие соратники. Однако благодаря публикациям конфиденциальных документов становятся известными весьма существенные подробности событий того времени. Так, из опубликованного недавно в Британии английского варианта записей бесед премьер-министра Маргарет Тэтчер и президента Михаила Горбачёва в 1989 г., сделанных помощником российского лидера А. Черняевым, следует, что Британия и Западная Европа в целом были против воссоединения Германии и роспуска Варшавского договора, ибо это, с их точки зрения, могло нарушить сложившуюся стабильность в Европе (5). Если продолжить эту мысль, то по тем же причинам для Запада огромной проблемой и головной болью был и распад СССР. Неспособность многих российских политиков, особенно левого и националистического толка, осознать эти реалии явилась одним из препятствий для формирования взаимопонимания и доверия в последующий период.

В свою очередь, на Западе было распространено мнение о том, что с развалом СССР, утратой Коммунистической партией руководящего положения и приходом в Кремль «реформаторов» западного типа переход России к демократии и рыноч-

ной экономике произойдет без особых проблем, от чего население страны получит реальные выгоды. Обнадеживающим примером тому служила Польша, где программа радикальных реформ Лешка Бальцеровича в начале 1990-х гг. дала положительный результат за 2—3 года. Но оказалось, что Россия это не Польша. Однако на Западе это мало кто понимал или хотел понять.

У Запада и Евросоюза в частности не было цельной концепции содействия российским реформам. Это содействие на практике сводилось к решению трех главных проблем: контролю над ядерным арсеналом бывшего Советского Союза, недопущению возврата к власти в СССР коммунистов и гарантии окончательного выхода стран Центральной и Восточной Европы из сферы влияния Москвы. Президент Борис Ельцин как раз выступал гарантом всего этого и потому пользовался поддержкой США и ЕС. Между тем международное содействие России, провозгласившей переход к современной демократии и рыночной экономике, должно было строиться с учетом тяжелейшего наследия 70-летнего советского тоталитарного режима, полностью уничтожившего ростки среднего класса и понятие частной собственности. В этом, собственно, и состояло принципиальное отличие поддержки реформ в России от аналогичных задач в Центральной и Восточной Европе.

Крайне негативное воздействие на отношения России с Европой и США оказало принятие в члены НАТО во второй половине 1990-х гг. Польши, Чехии и Венгрии, что было воспринято Москвой как нарушение Западом данного ранее М. Горбачёву обещания о нерасширении в дальнейшем блока на Восток. Решение о расширении НАТО принималось в тот момент, когда Россия, измотанная внутренними проблемами переходного периода и первой чеченской войной, была особенно уязвима. Поэтому в России многие полагали, что Запад воспользовался сложным положением в стране, чтобы ослабить ее. Наконец, ситуацию усугубила Косовская кампания в 1999 г. Результатом стало дальнейшее ухудшение взаимопонимания между Россией и Западом.

Период президентства Дмитрия Медведева вызвал у европейских лидеров некоторые надежды на скорые перемены в России: стремление к установлению верховенства закона, модернизация экономической и политической сфер и т.п. Однако окончательное решение Владимира Путина вернуться на высший пост в 2012 г. быстро изменило настроения на Западе. Критика, продолжающая звучать из европейских столиц, затрагивает внушительный спектр вопросов внутренней политики современной России: проведение свободных выборов, коррупция, отсутствие в стране независимой судебной системы, давление на активистов гражданского общества и т.д. Всячески оберегавшего репутацию В.В. Путина в Европе «друга Герхарда» сменила строгая и принципиальная Ангела Меркель, не стесняющаяся порой сравнивать нынешнего российского лидера с одиозными личностями мировых диктаторов. В ответ Москва традиционно обвиняет западное руководство во вмешательстве во внутрироссийские дела и фактически поощряет антизападные и в первую очередь антиамериканские настроения среди россиян.

Формально нынешний критический настрой Запада в отношении России и ее руководства можно понять. Западному общественному мнению трудно объяснить, почему Россия в последние годы столь быстро отходит от универсальных ценно-

стей (права человека, свободные выборы, независимые институты), о приверженности которым решительно заявляло руководство президента Ельцина. Однако должны ли Запад и Европа «наказывать» Россию за неприемлемое, с их точки зрения, поведение? Наиболее удачный ответ на этот вопрос, по мнению автора, дала в свое время одна из ярчайших европейских политиков XX в. бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер: «Историю России последнего десятилетия нельзя представить как прямой путь к прогрессу или регрессу. Она скорее представляет собой череду изгибов и поворотов, ускорений и остановок, процессов интеграции и дезинтеграции, реформ и реакции, возникающих попеременно, а то и одновременно. Мы должны попытаться понять, что произошло и почему, поскольку только так можно что-то предсказывать, не говоря о том, чтобы влиять на будущие события или управлять ими. Это очень важно. Россия не может и не должна быть сброшена со счетов» (6).

Антизападная риторика, однако, не означает (и слава богу!) намерения российских властей ограничивать торгово-экономическое сотрудничество с США или ЕС. Важнейшей задачей Москвы остается сохранение позиций Газпрома на европейском рынке, решение которой становится все сложнее в связи с ростом предложения на мировом рынке СПГ (сжиженного природного газа) и перспективами добычи сланцевого газа. Более важная системная задача — остановить отток капитала и улучшить инвестиционный климат в стране для привлечения, конечно же, в первую очередь западных, в том числе европейских инвестиций. Без кардинального улучшения инвестиционного климата Россия в ближайшие годы не сможет поддерживать минимально приемлемые темпы роста экономики (не менее 3%), не скатившись в рецессию. Некоторые признаки движения в этом направлении, например, в виде попыток остановить коррупцию в госструктурах уже есть. Однако дальнейший прогресс невозможен без установления верховенства закона для всех участников рынка без исключения. И для западных инвесторов это явилось бы серьезным сигналом к усилению присутствия в России.

Определенный импульс в данном направлении, как ни странно, могут дать последствия кипрского кризиса. Репатриация российских капиталов из офшорных зон так или иначе побудит олигархов и средний бизнес требовать улучшения бизнес-климата в России и сближения с Европой. Желание выйти на европейский рынок, в свою очередь, потребует от российских компаний больше прозрачности и гибкости. Эти шаги так или иначе должны вести к совершенствованию управления экономикой, включая судебную систему и, следовательно, к развитию демократии в стране.

Исторические традиции развития России, включая промышленность, науку и культуру, на протяжении веков неразрывно связаны с Европой. И уже в силу этих глубоких связей и традиций было бы сложно представить серьезное изменение в геостратегических приоритетах России в обозримом будущем. Россия сделала выбор партнера для создания современной экономики еще в первой половине

1990-х гг. Этот выбор нашел отражение в подписанном в июне 1994 г. Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС) с Евросоюзом. Ни с какой другой страной у России до сих пор не было подобного всеобъемлющего соглашения о сотрудничестве.

Все эти годы именно ЕС оставался главным торговым партнером РФ в торговле (более 50% российского торгового оборота приходится на страны ЕС). После официального завершения срока действия СПС в декабре 1997 г. стороны приступили к переговорам о выработке нового стратегического договора. Эти переговоры в последние полтора-два года проходили достаточно сложно, однако процесс продолжается и, надо надеяться, рано или поздно новый документ увидит свет.

По всей вероятности, в ближайшее время дискуссии по поводу возможного «евразийского» выбора для нашей страны не прекратятся. Однако трудно вообразить такие обстоятельства, которые побудили бы Москву кардинально изменить взятый курс, поменяв главного партнера в сфере экономического сотрудничества. Изложенные факты и простая логика подсказывают, что это не отвечает долговременным экономическим и политическим интересам страны.

И Россия, и Евросоюз имеют стремление стать центрами экономической и политической мощи в посткризисном мире наряду с США и Китаем. Однако добиться этого порознь в силу различных причин Россия и ЕС вряд ли способны. Напротив, сближение двух партнеров могло бы позволить достичь этой цели. Продвижение к ней возможно прежде всего через развитие экономического сотрудничества, которое могло бы привести, к примеру, к созданию панъевропейской зоны свободной торговли. Это позволило бы, в свою очередь, избавиться от многих существующих ныне политических разногласий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Портанский А. Уйти по-английски из ЕС невозможно. — URL: www.politcom.ru. 21.01.13
- [2] Бусыгина И., Филиппов М. Будущее Евросоюза и возможности европейской стратегии для России: Доклад на семинаре в НИУ ВШЭ. 04.2011.
- [3] Правительство попало в десятку // Ведомости. 31.01.13.
- [4] Иноземцев В. Далеко идущий Восток // Огонек. 19.11.12.
- [5] Блэнтон Т., Савранская С. Внешнеполитическая «неудача» Тэтчер: она хотела, чтобы Горбачев остановил воссоединение Германии. Foreign Policy. 10.04.13.
- [6] Тэтчер М. Искусство управления государством. — М.: Альпина паблшер, 2003.

LITERATURA

- [1] Portanskiy A. Uyti po-angliyski iz ES nevozmozhno. — URL: www.politcom.ru. 21.01.13.
- [2] Busygina I., Filippov M. Buduschee Evrosouza i vozmozhnosti evropeyskoy strategii dlya Rossii: Doklad na seminare v NIU VSHE. 04.2011.
- [3] Pravitelstvo popalo v desyatku // Vedomosti. 31.01.13.
- [4] Inozemtsev V. Daleko iduschiy vostok // Ogonek. 19.11.12.
- [5] Blenton T., Savranskaya S. Vneshnepoliticheskaya «neudacha» Tetcher: ona khotela, chtobi Gorbachev ostanovil vossoedinenie Germanii. Foreign Policy. 10.04.13.
- [6] Tetcher M. Iskusstvo upravlenia. — M.: Alpina pablisher, 2003.

**THE PROBLEMS OF GEOSRATEGIC CHOICE
OF RUSSIA IN 21 CENTURY.
ROLE AND PLACE OF THE EU**

A.P. Portanskiy

National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russia, 101000

The author analyzes the new economic situation, which formed in the period of the global crisis and affected the interaction between Russia and the EU. The article is about the new role of the EU in the world economy, a number of internal problems in Europe and emerging political and economic relations of Russia with the European countries and China. The author talks about the extent to which these new circumstances may affect the prospects of relations between Russia and the EU.

Key words: EU, economic and political relations between Russia and the EU, the economy of Eastern countries, trends in the global economy, the global crisis.